

Брехту - 100 лет

Меняем колесо

у машины?

позднего Бертольта Брехта есть стихотворение, обращенное к потомкам:

«Мы, готовившие почву для всеобщей приветливости, сами не могли быть приветливы... Подумайте о нас снисходительно...»

Кажется, что сегодня биографы и исследователи творчества всемирно известного драматурга, поэта, режиссера менее всего склонны к приветливости и снисходительности.

В 1995 году американец Джон Фузги выпустил книгу «Жизнь и ложь Бертольта Брехта», в которой называл Брехта «клыкастым вампиром». Новопеченный биограф утверждал, будто писатель заставлял работать на себя любивших его женщин, что тексты его в большинстве случаев созданы другими, что Брехт только собирал жатву, то есть денежные доходы.

Чуть позже в Париже состоялся громкий судебный процесс, затеянный дочерью драматурга Барбарой. Но и он не снял злобных наветов с личности драматурга. Ответчика, утверждавшего к тому же, что Барбара не является законной дочерью Бертольта Брехта, оштрафовали на минимальную сумму. Короче, антибрехтовская книга продолжала гулять по свету, представляя всемирно известного писателя плагиатором, антисемитом, человеком аморальным и безнравственным.

В год столетия со дня рождения Брехта издательство «Совершенно секретно» выпустило в свет книгу Юрия Оклянского с интригующим названием «Гарем Бертольта Брехта».

Пролистав первые страницы, кажется, что и наш автор подобно американскому копа-ется в грязном белье: подсчитывает, сколько было у Брехта женщин, с кем он спал и каким образом... К женщинам автор добавляет и мужчин, мол, и в таких порочащих связях был замешан известный драматург. В итоге Брехт объявляется чуть ли не предвестником сексуальной революции... Да и по внешним описаниям герой книги - пренебрежительнейший господин «с длинным плоским носом, наподобие хищного клюва загнутым на конце, с брезгливыми тонкими губами и глубоко посаженными буравчиками маленьких глаз».

Но не будем спешить раздраженно захлопывать книгу. Повременим и заглянем в середину. Оклянский скорее полемизирует с настырным американцем, проводит свое соб-

и в собственной судьбе был разрушителем традиций, ниспровергателем основ.

Думается, что книга Юрия Оклянского вовсе не о женщинах Брехта. Скорее - о драме художника, жаждущего революционного переустройства мира. О трагедии солдат революции. Именно так называл Брехт свою сотрудницу и подругу Грету Штеффин, в соавторстве с которой якобы и написаны многие его произведения.

История жизни Греты Штеффин - хрупкой синеглазой девушки из рабочей среды - тоже своеобразная хроника времени. Автор приводит множество записей из ее писем и дневников, документальных свидетельств знавших ее людей. И перед читательским взором встает судьба поистине трагическая. Грета Штеффин так же, как ее кумир и учитель, пламенно служила революции. Ее жизненным девизом были слова Брехта: «Я должен. Следовательно, я хочу». Она была его секретаршей, редактором, соавтором, любовницей. Кажется, вся ее жизнь была растворена в нем. Вслед за ним она «меняла страны, как башмаки», не раз признаваясь, что ей «солдату революции все равно, где жить». И работала, работала, работала.

Фанатичная преданность долгу заставила ее в молодом возрасте чудовищным способом убить своего неродившегося младенца. Даже двух сразу - близнецов, о которых она мечтала еще девочкой. Грех юности словно преследует ее всю жизнь. Не случайно свою собственную пьесу она пишет для детей и называет ее: «Если бы у него был ангел-хранитель». Видимо, от Греты Штеффин ангел-хранитель отвернулся давно и навсегда. В 33 года она умерла от туберкулеза в чужой стране и в полном одиночестве.

Автор размышляет, как бы сложилась судьба этой девушки, если бы не роковая встреча с Брехтом? И каким образом двое таких непохожих людей могли быть соавторами? И может ли человек видеть и мыслить по-своему, если за его письменным столом незримо стоит великая тень? И что такое соавторство, если не вечная загадка? И «зачем свеча, когда светит солнце?»

Через несколько лет, осознав глубину потери, Брехт писал печальные строки:

*С тех пор как ты умерла,
маленькая, строгая.
Я брожу, ничего не видя,
не зная покоя,
В недоумении натываясь
на серый мир,
Без дела. Словно
уволенный...*

Но вряд ли мир без Греты был действительно серым. После войны Брехт возвращается в Германию, открывает, наконец, свой театр, ставит одну из лучших пьес «Жизнь Галилея», получает в Советском Союзе Международную премию мира. Он известен и, как прежде, обласкан женщинами, о которых уже скользь упоминает Юрий Оклянский. Для него главная фигура - Грета и то время, которое соединило ее с Брехтом: подробности, детали, документы. Любопытно написаны советские знакомцы Брехта и Греты: Михаил Кольцов, писатель Сергей Третьяков, переводчик Стенич. Люди разные и непохожие, в одно прекрасное утро они были объявлены врагами и растворились в небытие. В непривычном ракурсе увидены фигуры лучших друзей Советского Союза Андре Жида, Лиона Фейхтвангера. Кстати, последний сделал Бертольта Брехта прототипом главного героя своего романа «Успех»...

Да, успех сопутствовал Бертольту Брехту на протяжении всей его запутанной и не слишком долгой жизни. Успех в творчестве, успех у женщин, успех читательский. Он был эпикурейцем, жизнелюбом, человеком осторожным, любил себя и боялся смерти. Незадолго до кончины Брехт распорядился, чтобы его похоронили в запаянном цинковом гробу, дабы кладбищенские черви и мухи не ползали по его лицу.

В конце жизни он пишет и свои «Буковские элегии», почему-то в традициях древнекитайской поэзии. Одна из элегий - об одиночестве.

*Я сижу на обочине дороги
И смотрю, как шофер
меняет колесо у машины.
Меня никто не ждет там,
откуда я еду.
Меня никто не ждет там,
куда я еду.
Почему же я смотрю
с таким нетерпением,
Как шофер меняет
колесо у машины.*

Не секрет, что в конце XX века мы с особым удовольствием тасуем и переставляем знаковые фигуры. Говоря брехтовским языком, постоянно меняем не только колеса, но и спицы в том или ином событии, факте, культурном явлении. И в голову невольно закрадывается подозрение - а не останется ли сам Бертольт Брехт, этот «странный немец», на обочине дороги, ведущей в следующий век?

Татьяна ЗЕМСКОВА.

ственное расследование, представляя интереснейшие документальные материалы, относящиеся не только к биографии Брехта, а скорее к эпохе, в которую он жил и писал. Первая мировая война, мечты о всемирной революции, годы фашизма, война Отечественная, крушение иллюзий.

В 29 лет Брехт пишет цикл стихов «Домашние проповеди», провозглашая в них полную свободу от нравственных принципов и религиозных чувств. Чуть позже в «Трехгрошовой опере» он обращается к зрителю со своеобразным девизом: «Давайте же простимся со стыдом, сначала хлеб, а нравственность потом». Вместе с героями и сам напевает веселые куплеты: «Мы в церкви с тобой не венчаны, наша любовь на церковь плюет. Мы просто мужчина и женщина. А все остальное не в счет».

Наверное, нет ничего удивительного, что в жизни Брехта существовал целый «гарем женщин», которые каким-то образом уживались и даже сосуществовали вместе, помогая писателю в работе.

Можно поразмышлять и над принципами эпического театра, сформулированными Брехтом, в основе которого - не традиционное «сопереживание», а трезвый разум и критический анализ. Зритель эпического театра, по замыслу Брехта, должен «смеяться над плачущим и плакать над смеющимся». Брехт вообще считал, что «беззловное слово - это свидетельство глупости». Не больше и не меньше. Естественно, что приверженец марксизма, истовый революционер, искренне верящий в социалистический рай, Бертольт Брехт и в творчестве,